
Т.В. Котюкова

**ТУРКЕСТАНСКИЙ ПЛЕН:
НЕМЕЦКИЕ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. Статья посвящена пребыванию на территории Туркестанского генерал-губернаторства в годы Первой мировой войны военнопленных германской и австро-венгерской армий. Описываются условия их содержания, проблемы взаимоотношений как в среде самих военнопленных, принадлежавших к разным национальностям, так и с населением одной из наиболее отдаленных окраин Российской империи.

Ключевые слова: Германия, Австро-Венгрия, Первая мировая война, Туркестан, Центральная Азия, военнопленные.

Котюкова Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); старший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН). E-mail: kotyukovat@mail.ru

T.V. Kotyukova. Turkestan Captivity: German and Austro-Hungarian War Prisoners in Russian Turkestan During the First World War

Abstract. The article is devoted to the war prisoners of German and Austro-Hungarian armies on the territory the governor-generalship of Turkestan in the First World War. Maintenance conditions, relations both among war prisoners of different nationalities and with the population of the most remote outskirts of Russian Empire are described.

Keywords: Germany, Austria-Hungary, First World War, Turkestan, Central Asia, war prisoners.

Kotyukova Tatyana Viktorovna – Ph.D. (History), Associate Professor, research-fellow of the Institute of World history of the Russian Academy of Sciences, research-fellow of the Institute of scientific information on social sciences of the Russian Academy of Sciences (INION); research-fellow of the State academic University of humanitarian science (GAUGN). E-mail: kotyukovat@mail.ru

За последние 100 лет история пребывания военнопленных армий стран Четверного союза в годы Первой мировой войны в Туркестане, а это территория свыше 1 млн км², как самостоятельная исследовательская задача не удостоилась внимания ни советских и российских историков, ни историков независимых центральноазиатских государств СНГ, ни иностранных коллег.

Размещение военнопленных на территории России не было равномерным. В основном они были сконцентрированы в Восточных районах (Сибирь, Урал, Туркестан) и сельскохозяйственных областях европейской части страны. Российские власти пытались учитывать национальный принцип. В соответствии с распоряжением Главного Управления Генерального Штаба в 1914 г. военнопленных немцев, австрийцев, а также венгров, как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами, размещали, главным образом, за Уралом – в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке [8, с. 154].

Следует, однако, отметить, что несмотря на принцип раздельного размещения, лагерей только со славянскими или немецкими военнопленными в России создано не было [4, с. 16]. Военнопленные турки в Туркестане не размещались. Всего для содержания пленных на территории России было развернуто более 400 лагерей [10, с. 36].

Российские военные власти первоначально предполагали размещать пленных в Туркестане только в районах, удаленных от крупных городов и железнодорожных линий. Однако большая численность военнопленных и отсутствие специальных казарм заставили изменить планы. Более того, оказалось, что пленных вообще нигде размещать. Поэтому первые партии военнопленных селили непосредственно в городах.

Первые военнопленные начали прибывать в Туркестан уже в сентябре 1914 г. Сразу после падения Перемышля в Туркестан прибыли до 50 тыс. военнопленных разных национальностей, большая часть которых была размещена в Ташкенте. Первоначально их размещение не представляло особых затруднений. Для этого были отданы казармы частей Туркестанского военного округа (ТуркВО), ушедших на фронт.

Но свободных помещений в Туркестане остро не хватало. Так, в Катта-Кургане в начале 1915 г. планировали вдобавок к содержавшимся там военнопленным разместить еще 1200, но город мог принять только 600, а в Самарканде из 1000 военнопленных были места только для 508. Чтобы выйти из положения, в помещениях стали устанавливать второй ярус кроватей. 600 пленных, которых должны были содержать в Чарджуе, разместили на баржах Аму-Дарьинской флотилии. В Сыр-Дарьинской области Туркестанского края для размещения 100 пленных офицеров было отдано здание начального училища в Казалинске, под лазарет для военнопленных в лагере у Перовска освободили здание Перовского начального училища, досрочно проведя в нем экзамены и отправив 40 детей в летний лагерь [13, с. 40].

К июню 1915 г., по официальным данным, численность военнопленных в крае превысила 148 тыс. человек. Они были спешно расквартированы в 37 специально построенных лагерях, казармах и других помещениях ТуркВО, срочно приспособляемых под проживание людей.

По сообщению главы американской миссии Стерлинга, на которое ссылается в своей работе Г. Вурцер, в 1915 г. в Туркестане находились 82 425 пленных из Австро-Венгрии и 3812 – из Германии [23, с. 53].

Вместе с военнопленными в конце 1914–1915 гг. в Туркестан были завезены 300–350 так называемых «гражданских пленных», или «пленных, не имеющих воинского звания» [14, с. 32]. Это были подданные Австро-Венгрии и Германии призывного возраста, увезенные русскими войсками с неприятельских территорий. И хотя первоначально (несколько месяцев) они были изолированы от местного населения, в дальнейшем многие из них стали пользоваться некоторой свободой. Примерно с середины 1916 г. большинство «гражданских пленных» были освобождены из-под охраны с обязанностью проживать под надзором полиции в указанных местах и без права выезда. Поэтому значительную часть времени, особенно работающие, проводили за пределами мест своего проживания.

С июля 1915 г. в край стали прибывать беженцы. К концу 1915 г. в Туркестане были размещены около 70 тыс. беженцев из Польши, Прибалтики и других регионов [14, с. 32]. В конце 1916 г. началась эвакуация. По данным Татьянинского комитета, занимавшегося помощью беженцам, на 1 мая 1916 г. их число составило 59 400 человек, а на 1 июня 1916 г. – 15 900. В итоге в крае остались около 7–8 тыс. беженцев [2, с. 90]. Сосредоточение в Туркестане пленных, а затем прибытие беженцев существенно ухудшило материальное положение местного населения и привело к продовольственному и жилищному кризису.

К началу 1916 г. общее число военнопленных в крае достигло 200 тыс. [11, с. 525]. Их количество стало превышать количество населения городов, в которых они размещались. Краевая администрация была этим крайне обеспокоена, считая, что в случае каких-либо беспорядков это усугубит ситуацию.

Причинами посылки такого значительного числа военнопленных в Туркестан были: отдаленность местности и трудности побега оттуда. Во внимание принималась также дешевизна продуктов питания. Однако обеспечить продовольствием такое количество пленных в крае оказалось сложнее, чем предполагали. Особенно чувствовался недостаток муки и невозможность кормить военнопленных привычным для них чистым пшеничным хлебом. Приходилось выпекать для них хлеб из кукурузной муки с небольшой примесью пшеничной [22, с. 249]. Такая непривычная пища часто вызывала желудочно-кишечные заболевания и служила условием повышенной смертности. По воспоминаниям очевидцев, скудный рацион питания и тяжелый климат

приводили к окончательному ослаблению человеческого организм и без того подорванный длительным переездом в Туркестан, становились благоприятной средой для инфекционных болезней, а медицинское обслуживание, в свою очередь, было недостаточным и малоэффективным. Одним из самых распространенных недугов среди пленных были солнечные удары [9, с. 233]. В лагерях разыгрывались эпидемии. Так, только в Туркестан были отправлены десятки тысяч прививок против малярии из датского Института сыровотки в Копенгагене и из Серо-терапевтического института в Вене [16, с. 151].

Генерал-губернатор Туркестана Ф.В. Мартсон ходатайствовал о выводе военнопленных из Туркестана, ссылаясь на недовольство населения, ухудшение экономической ситуации, крайне тяжелые условия содержания (связанные, в том числе, с особенностями климата) и все возрастающего числа побегов, поскольку охранять пленных было некому (регулярные части ушли на фронт).

Вопросы содержания и обращения с военнопленными регулировались Гаагской конвенцией, подписанной в 1907 г. почти всеми впоследствии участвующими в войне государствами. В России было принято свое Положение о военнопленных, которое почти полностью повторяло положения Гаагской конвенции, несмотря на то что отдельного учреждения, занимавшегося военнопленными, в России не было. Швеция и Дания взяли на себя защиту интересов подданных Австро-Венгрии и кайзеровской Германии в России. Гуманитарные миссии регулярно посещали лагеря военнопленных в Туркестане. Так, в марте 1916 г. в Ташкент прибыла делегация шведского Красного Креста во главе с Хокен фон Шульманом, а в декабре – секретарь-делегат Датского посольства в Петрограде капитан А. Брун [24, с. 13].

Согласно официальным документам, офицеры-военнопленные содержались в удовлетворительных условиях. Об этом свидетельствует ряд фактов: семьям военнопленных разрешалось следовать за ними; труд военнопленных обычно применялся как бесплатная рабочая сила, но иногда им выплачивались, пусть и незначительные, деньги за работу; в холодное время года военнопленных отправляли на работы в военных мундирах низших чинов и т.д. [21, Д. 90. Л. 35, 42, 147 и др.].

Офицеры Австро-Венгерской армии получали содержание по следующей схеме: штаб-офицеры – 900 руб., обер-офицеры – 600 руб. Офицеры Германской армии, от капитана и выше, получали – 564 руб., ниже капитана – 338 руб. в год. Такой дифференцированный подход объяснялся значительно более строгими условиями содержания русских военнопленных в немецком плену в сравнении с австро-венгерским. Духовные лица и все имевшие классный чин приравнивались к соответствующим офицерским чинам. Студенты, ветеринары, аптекари, фармацевты, кадеты, гардемарины, корнеты, фенрихи Австрийской армии – при получении довольствия приравнивались

к обер-офицерам. Военнопленные врачи и студенты-медики получали добавочные деньги и жили по стандартам медперсонала Русской армии [17, Д. 4535. Л. 30 об.].

Для нижних чинов в сутки на человека полагалось 2 фунта хлеба, в месяц по 0,5 фунта мыла. Больные получали довольствие наравне с нашими солдатами. На обзаведение предметами «картельного хозяйства» – по 250 руб. на команду до 160 человек и 300 руб. – если свыше. На поддержание чистоты в помещениях – для команды в 300 человек и менее – 1 коп., а свыше – 0,5 коп. на одного человека в месяц. Полагалось и вещевое довольствие – мундир, шаровары, шинель, фуражка, сапоги, две рубахи, две пары исподне-го, три пары портянок, одно полотенце [17, Д. 4535. Л. 28–29 об.].

Военнопленные офицеры, врачи, священнослужители и чиновники Австро-Венгерской армии по прибытии в Туркестанский край, за небольшим исключением, были расквартированы в казармах в городах Ташкенте, Перовске, Казалинске, Туркестане, Намангане, Коканде, Самарканде, Новой Бухаре (Каган), Джизаке, Ходженте.

К провинившимся офицерам применялась высылка в Форт-Александровский (Мангышлакский полуостров) и в деревню Гульча Ошского уезда Ферганской области. Эти места были удалены от населенных пунктов, что делало побег отсюда практически невозможными.

У каждого пленного офицера в казарме были кровать и казарменный инвентарь.

Отопление и освещение казарм производилось за казенный счет, но лампы и керосин для личных занятий офицеры приобретали за свой. При большинстве казарм и в лагерях имелись колодцы с питьевой водой, а туда, где их не было, воду доставляли в бочках на лошадях. Отапливались казармы за государственные деньги. Остаток топлива шел на ежедневное приготовление кипятка, отопление бань и прачечных.

Офицерам, расквартированным в Казалинске и Перовске, разрешили за собственный счет построить отдельные «домики-особняки». Самый дорогой домик мог обойтись в 500 руб., самый дешевый (полуземлянка) – в 150 руб. Отопление таких домов производилось за счет владельцев. Офицеры стремились жить по двое, трое. По мнению русских военных чинов, это объяснялось сильной национальной рознью среди корпуса офицеров Австрийской армии.

Везде при казармах, в которых квартировали военнопленные офицеры, были устроены отдельные кухни, пекарни, кладовые, души, купальни, а во дворах казарм, где возможно, устраивались площадки для игр в футбол. Отхожие места при казармах были общими, но отдельно от нижних чинов.

Пленные-генералы проживали на частных квартирах или в лучших отелях Ташкента [17, Д. 4535. Л. 26 об.].

Военнопленным офицерам полагался денщик из расчета один на четырех офицеров. Генералам назначается персональный денщик. Денщики жили при офицерских казармах.

Книги, журналы, газеты попадали к военнопленным только с разрешения начальника команды. Военнопленным офицерам было разрешено читать российские политические газеты. Письма, посылаемые военнопленными офицерами на родину, сдавались начальнику команды, который отсылал их в военно-цензурный комитет при Штабе ТуркВО [17, Д. 4535. Л. 26–32].

Все корреспонденция, денежные переводы и посылки на имя военнопленных офицеров выдавались лично начальником команды.

Денежное довольствие офицерам из российской казны должно было выплачиваться своевременно; оно выдавалось начальником команды под расписку в требовательной ведомости.

Все военнопленные офицеры подчинялись специально назначенным русским офицерам – начальникам команд. В помощь начальнику команды назначался русский офицер и несколько нижних чинов. Последние инструктировались начальником команды и следили за поведением офицеров, препятствуя их контактам с посторонними лицами и военнопленными нижними чинами, контролировали явку из увольнений и т.д. В каждой команде военнопленные офицеры разбивались на национальные группы, которые размещались по возможности отдельно. В группе в помощь начальнику команды назначался «за старшего» один военнопленный офицер-славянин из числа «сочувствовавших» России. Такие офицеры-славяне размещались в казармах и бараках лагерей со своими командирами, но в отдельных комнатах.

Военнопленные нижние чины размещались в городах края в казармах частей ТуркВО, ушедших на фронт. Так как пленные продолжали прибывать весь 1915 г., они заняли не только все казармы и старые летние войсковые лагеря, но и все нежилые постройки при казармах.

Спали военнопленные в казармах на двухъярусных деревянных нарах, а в бараках на глинобитных.

Оценивая все постройки в округе, предоставленные военнопленным, наихудшими Военное министерство России признало бараки новых войсковых лагерей и летние бараки старых лагерей, приспособленными под зимние. У этих барачков были низкие потолки, маленькие окна, плохая вентиляция, а имеющиеся печи не могли достаточно прогреть и высушить бараки.

Весной 1915 г. командование ТуркВО, пользуясь трудом военнопленных, приступило к постройке новых лагерей. Лагерь эти расположились вдоль линии железной дороги вблизи Казалинска, Перовска, Туркестана, Черяева, Аулис-Ата, Ходжента, Ката-Кургана, Намангана и Коканда. Пока шло строительство, пленные жили в палаточных лагерях. Общая вместимость всех

казарм (старых и новых лагерей) в конечном итоге была доведена до 200 тыс. человек.

В середине 1915 г. военнопленных из Туркестана стали отправлять на работу в Европейскую Россию. Всего отправлено было 68 тыс. человек, в результате вопрос о скученности размещения пленных отпал. Стоит отметить, что и в самом Туркестане, и в соседнем Бухарском эмирате труд военнопленных использовался очень активно. Так, у частных лиц работали 138 человек, в земских и городских учреждениях – 551, в военном ведомстве (на территории ТуркВО) – 765; в Министерстве путей сообщения (на территории ТуркВО) – 288; в торговых предприятиях – 272; в учреждениях подведомственных Министерству земледелия и землеустройства – 209 человек и т.д. [17, Д. 4535. Л. 44–45].

Однако прибытие в край беженцев, размещаемых совместно с пленными в казармах и лагерях, перевод из Закаспийской области в другие города края 12 тыс. пленных вновь создали проблему с размещением военнопленных.

Тем не менее если бы не все вышеперечисленное, размещение военнопленных (нижних чинов) в пределах ТуркВО можно было бы признать удовлетворительным. Но суровая действительность лишала краевую администрацию и Военное министерство покоя, грозя в недалекой перспективе ростом инфекционных болезней среди военнопленных, особенно сыпного тифа.

Реальное положение дел в Туркестане несколько отличалось от предписанных нормативов содержания пленных. По воспоминаниям последних, например в Троицком лагере (недалеко от Ташкента) находились порядка 18 тыс. человек. В каждом бараке ютились по 600–700 военнопленных [15, с. 99]. В лагере свирепствовали инфекционные заболевания. Люди умирали от антисанитарии и голода, отягощенных тяжелым непривычным климатом Средней Азии.

При посещении лагерей инспекционными комиссиями или представителями Красного Креста жалобы пленных на неудовлетворительное питание были довольно часты. Так, по заявлению представителей Международного Красного Креста Тормейера и Форрьера, осмотревших осенью 1915 г. лагеря Туркестана и Сибири, питание пленных было неудовлетворительным [23, с. 89].

В архивах сохранился достаточный массив документов, позволяющий воссоздать картину туркестанского плена. В первую очередь, это отчеты о посещении лагерей гуманитарными и иностранными миссиями [1, Д. 1665. Л. 1–112; и др.]. Судя по официальной дипломатической переписке плачевным было положение в лагерях военнопленных в г. Ош [1, Д. 2939. Л. 1–2]. В 1915 г. о тяготах плена для австро-венгерских пленных в городах Закаспийской области Туркестана Мерве и Асхабаде шла переписка между США и российским МИДом [1, Д. 2826. Л. 1–4 об.]. В 1916 г. Соединенные Штаты,

выступая в качестве посредника и представляя интересы Австро-Венгрии, предлагали вывозить военнопленных из Мерва, Самарканда и ряда других городов, где летняя жара была особенно невыносимой, в места с более умеренным климатом [1, Д. 3073. Л. 2–5].

В лагерях Туркестана (Самарканд, Ташкент и др.) из рук вон плохо решались санитарные вопросы. На рубеже 1915–1916 гг. Красный Крест и международные посредники (США, Швеция и другие государства) выражали свою чрезвычайную обеспокоенность по этому поводу [1, Д. 3020. Л. 1–7].

В первой половине 1916 г. волна эпидемий трех самых страшных инфекционных заболеваний прокатилась по лагерям Туркестана: в Троицком (близ Ташкента) – эпидемия тифа, в Самарканде – малярия, в Золотой Орде – цинга [1, Д. 3034. Л. 2–10]. Дипломаты Вены и Берлина обращались с нотами в посольства США с просьбой оказать содействие в решении вопроса [1, Д. 3034. Л. 11–16 об.].

Положение пленных-славян Австро-Венгерской армии в Туркестане было значительно лучше. Офицеры пользовались известной свободой, прогуливались в форме по улицам города и собирали толпы зевак. Немецкие же военнопленные помещались, как правило, в тесных и неудобных помещениях, где они находились на положении заключенных и получали худший паек. Приезжавший в Туркестан для инспекции военнопленных представитель США нашел положение австро-венгров более или менее удовлетворительным. В отношении режима, принятого для немцев, он высказался резко отрицательно, настаивая на необходимости его изменения. Эти предложения удовлетворены не были [22, с. 250].

Допуск посторонних лиц в помещения офицеров воспрещался, но на практике это положение часто нарушалось. Например, известен факт проживания в Перовске у своего мужа, австро-венгерского подданного, Мари Гоховской, имевшей паспорт беженки. Пожив в Перовске, она спокойно выехала в Екатеринослав. Еще одной жене военнопленного – Анне Погорской – было разрешено проживать в Туркестане, рядом с мужем, находившемся в плену. Погорская добивалась возможности жить вместе с мужем на частной квартире. Решение этого вопроса туркестанский генерал-губернатор оставил на усмотрение военного начальства лагеря, в котором размещался Погорский, подчеркнув, что в случае положительного решения квартирных денег Погорскому выдавать не будут [17, Д. 4535. Л. 76–77].

Одной из форм протеста против тяжелых условий жизни было бегство военнопленных. Пользуясь слабостью охраны (в крае в это время практически не осталось регулярных войск, они были направлены на Кавказский фронт) и близостью границы с Персией и Афганистаном, с конца 1914 г. и в течение 1915 г. из лагерей, с объектов работ и из госпиталей бежали 489 солдат и офицеров, а в 1916 г. еще 23 офицера и 550 солдат [14, с. 48].

К марту 1917 г. в ТуркВО было зафиксировано бегство 1457 солдат и 72 офицеров [24, с. 12]. Самую большую группу беглецов составляли подданные Габсбургской монархии.

Тяжелый климат Средней Азии и неподготовленность инфраструктуры края к размещению и проживанию военнопленных привлекли в конце 1915 г. внимание правительства и вынудили его ознакомиться с проблемой непосредственно. По распоряжению военного министра генерала А.А. Поливанова, 8 января 1916 г. начальник Азиатской части Главного штаба генерал Михаил Михайлович Манакин был направлен в Туркестан для ознакомления с положением находившихся там военнопленных. В Ташкент Манакин прибыл 15 января, пробыв в столице края шесть дней. К 22 января 1916 г. в Туркестанском военном округе были размещены 2114 офицеров Австро-Венгерской армии и 86 478 нижних чинов [17, Д. 4535. Л. 26].

В докладе генерала М.М. Манакина много места уделяется описанию внешнего вида военнопленных. Так, офицеры могли носить гражданское платье. Это давало возможность офицерам свободно перемещаться по городу, не привлекая к себе внимания. Но каждый имел и бережно хранил свой мундир. В качестве меры по борьбе с побегами офицерам запрещалось приобретать одежду азиатского типа. Стоит отметить, что австрийская военная форма была недостаточно теплой для зимних холодов в горах Туркестана. К 1919 г. форму военнопленные уже не носили. Она просто пришла в негодность. Все ходили в штатском [3, с. 136].

Военнопленные офицеры должны были первыми приветствовать русских офицеров. Генерал Манакин с удовлетворением отмечал, что это положение выполняется военнопленными неукоснительно.

Зыскания на провинившихся военнопленных накладывались по российскому дисциплинарному уставу. Как уже говорилось, за попытку побега грозила высылка в Форт-Александровск или Гульчу. В Форте свободных мест не было, и условия жизни там были очень тяжелыми. За преступления военнопленные подлежали на общих основаниях отдаче военно-полевого суду.

Офицеры могли иметь на руках неограниченное количество денег, но за расходами все же следил начальник местной бригады. Несмотря на вполне сносное содержание и наличие собственных средств, среди офицеров нередко были случаи воровства.

Отдельное место в своем докладе генерал Манакин уделил проблеме побегов. Чаще всего они совершались из лагерей, расположенных на территории Закаспийской области. Поэтому в 1915 г. отсюда начался постепенный вывод военнопленных в другие регионы Туркестанского края.

Доклад был передан в Главное управление по квартирному довольствию войск с резолюцией военного министра: «Раз мы имеем в виду скоро убрать пленных из Туркестана, то никаких перемен в их там положении делать не

следует, хотя надо сказать, что надзор за ними благодушен чрезмерно и благодущие это идет в ущерб иногда надлежащему настроению русских людей. Если в Туркестане останутся пленные генералы и офицеры, то надо воспользоваться передвижением пленных, чтобы и их (кроме славян) убрать в более глухие углы из Ташкента» [17, Д. 4535. Л. 25]. Ответственным за исполнение резолюции министра был начальник Главного штаба, но сам процесс исполнения возлагался на Азиатскую часть Главного штаба, в чьем непосредственном ведении находились и ТуркВО, и Туркестанский край.

Распоряжение министра в силу целого ряда обстоятельств до конца исполнено не было. К началу 1917 г. в крае осталось немногим более 41 285 пленных [18, с. 41], из них 37 720 австро-венгерских (36 006 солдат и 1714 офицеров) [18, с. 40]. Была и другая причина сокращения численности пленных в Туркестане – высокая смертность. По оценкам Ф. Бейли, с 1914 г. до начала 1918 г. в Туркестане умерли порядка 40–50 тыс. военнопленных. Эта оценка совпадает с данными, приводимыми Сибирской советской энциклопедией о том, что Туркестан стал могилой для 45 тыс. военнопленных [20, стб. 517].

При регистрации пленных военные власти России прежде всего отмечали их принадлежность к одной из неприятельских армий и вероисповедание. Поэтому установить точный национальный состав пленных в Туркестане весьма сложно. Национальный состав военнопленных Габсбургской монархии был таким же разнообразным, как и сама империя.

В период Первой мировой войны среди находившихся на действительной военной службе в Вооруженных силах Австро-Венгрии около 25% были австрийцы и немцы, 23 – венгры, 13 – чехи, 4 – словаки, 9 – сербы и хорваты, 2 – словенцы, 3 – украинцы, 7 – румыны и 1% – итальянцы [6, с. 54].

Военное министерство России приняло меры для отдельного размещения славян от немцев и венгров в лагерях, в лечебных заведениях, при перевозке по территории империи и при перемещении в другие лагеря.

Славянам со стороны российского правительства предоставлялись различные льготы. «Было бы грешно, – говорилось в докладной записке на имя министра МВД А.Н. Хвостова, – не использовать возможность воспитать в желательном для России духе сотни тысяч людей... Цель воздействия: убедить военнопленных или укрепить в них убеждение, что Россия им близка по языку, по культуре, по крови, по вере, что Россия их естественная и единственная защитница, что настоящая война – это война славянства с немцами» [12, с. 199].

По воспоминаниям пленных, действовала инструкция, выстраивающая своеобразную иерархию приоритетов: в лагеря с худшими условиями содержания в первую очередь направлялись немцы, во вторую – венгры, и только если представителей этих национальностей не было – военнопленные-

славяне. В первую очередь южные славяне. Западных славян (у Г. Вурцера они фигурируют под названием «северные славяне». – Т. К.) берегли больше всего [23, с. 134].

Принцип размещения пленных по национальному признаку и подданству был заложен в начале войны и приобрел большое государственное значение. В 1914–1915 гг. лагеря в Туркестане были «смешанными», т.е. в них содержались представители разных национальностей. С 1916 г. исследователи фиксируют практику разделения лагерей по национальному признаку. Так, в лагерях Ташкента были преимущественно славяне (хорваты, словенцы, чехи и др.), а немцы, австрийцы и венгры размещались в Скобелеве и Фергане. Если лагеря были смешанного национального типа, то славяне получали ответственные должности в рамках внутреннего управления пленными [23, с. 134–135].

Большинство из подданных Габсбургской монархии попали в плен в 1914 г. (Галицийская битва) или в 1916 г. (Брусиловский прорыв). Кто-то оказывался в плену будучи раненым, другие сдавались добровольно. Биография каждого пленного одновременно и уникальна и типична. Особенно это касается так называемых нижних чинов «дружественных национальностей» (в основном славян). К ним русская общественность еще до революции 1917 г. относилась доброжелательно. Не удивительно, что именно они гораздо теснее, чем пленные офицеры, сумели сблизиться с местным населением. Кроме того, в плену у нижних чинов-славян было значительно больше возможностей для налаживания человеческих отношений с простым населением Российской империи, нежели у офицеров, поскольку они направлялись на принудительные работы и активно использовались на них с начала 1915 г.

В 1915 г. в Ташкенте открылось отделение Союза чешских и словацких обществ России. Вскоре оно преобразовалось в представительство Чешско-словацкого национального совета и активно функционировало в течение нескольких лет. 15 января 1917 г. в Туркестане были зарегистрированы 10 489 солдат и 617 офицеров западнославянского происхождения.

В ходе военных действий на фронтах Первой мировой войны в русском плену, по официальным данным, оказались 200–220 тыс. сербов, хорватов и словенцев, проживавших на территориях, входивших в состав Австро-Венгрии. Военнопленным-сербам в Туркестане было предоставлено хорошее жилье, сносное питание. Им даже разрешили по воскресеньям посещать православные храмы.

На хорватских офицеров не распространялись льготы, которыми пользовались все другие пленные представители южнославянских национальностей. Возможно, причина крылась в конфессиональной «неоднородности» хорватов.

Из ряда опубликованных воспоминаний военнопленных-славян очевидно, что межнациональные проблемы имели глубокие корни в среде Австро-

Венгерской армии, и в условиях русского плена принадлежность к одному государству – империи Габсбургов – не являлось действенным фактором для сплочения ее солдат и офицеров.

В Первую мировую войну в Австро-Венгерской армии для поднятия патриотического духа применялись телесные наказания. Особенно часто пороли солдат славянских национальностей [19, с. 209]. Словак Густав Сенчек описывает в воспоминаниях некий внутренний конфликт: «Из приказов мы знали, что воюем за родину, за императора... Но один на один со смертью я чем дальше, тем больше сомневался как в родине, так и в безгрешной жизни, которой якобы я добыюсь, если буду убивать. Что касается императора, то такие, как я, и раньше его не жаловали» [там же].

За неповиновение австрийскому офицеру Густав Сенчек находился под арестом и ожидал трибунала: «Внезапно открылась дверь, и на пороге появились две мужские фигуры: это были русские солдаты. Они зажгли свечку и отобрали оружие у моего дрожащего от страха часового. “А ты что? Где ты забыл свою винтовку?” – спросил меня один из них. Русская речь для меня, словака, была понятной, и я ответил, что у меня ничего нет, даже пояса, так как я нахожусь под арестом. Они поговорили между собой, и один из них вдруг подошел ко мне, положил мне руку на плечо и сказал: “Ничего не бойся, камарад, сейчас отправишься в Россию”. В полночь мы уже маршировали на восток. Так я и не дождался австрийского военно-полевого суда. Плен стал моей свободой» [19, с. 212].

Не удивительно, что русский плен многими солдатами-славянами воспринимался как свобода. Но попав в плен, можно было столкнуться с амбивалентным восприятием со стороны русских офицеров и нижних чинов (что называется, «как повезет»).

Штефан Ганн описывает другую модель отношения к пленным-славянам. Он пишет, что русские юнкера и офицеры, обращаясь к военнопленным, обычно говорили: «Эй ты, австрияк». Но так как среди военнопленных практически не было австрийцев (в том месте, где он находился), а имевшийся контингент ненавидел Австрию, то военнопленных-славян обижало такое обращение, особенно от русских. Ганн отмечает, что большинство солдат-славян Австро-Венгерской армии стремились к добровольной сдаче в русский плен, так как несмотря на антирусскую официальную пропаганду, подавляющее большинство были славянофилами, а следовательно, и русофилами [5, с. 205].

Вполне очевидно, что «наивное славянофильство», руководившее значительным числом чехов и словаков, добровольно сдававшихся в плен русским войскам, очень быстро выветривалось в лагерях и на принудительных работах. У основной массы военнопленных, только что избежавших смерти на поле боя, разочарование сменялось глубокой политической апатией, а у наи-

более активных – вызывало протест против господствовавших в царской России порядков. Последнее обстоятельство являлось благоприятной почвой для роста антивоенных и революционных настроений [6, с. 55].

Как ни странно, русские офицеры и нижние чины, непосредственно общавшиеся с военнопленными, не всегда учитывали и использовали эти обстоятельства. Это – несмотря на то что в России, особенно в годы войны, самым активным образом была развернута панславистская пропаганда.

Поэтому на фоне неприятного – «ты, австрияк», т.е. «чужой» – обращение большевистских агитаторов – «дорогие товарищи» – означало признание «своим». Как следствие этого, «...в течение одного дня большинство из нас вступили в Красную гвардию», – вспоминает Ш. Ганн.

По дороге в лагеря, а об этом свидетельствуют воспоминания военнопленных, перемещавшихся в разные регионы Российской империи, описываются добросердечное отношение со стороны простых обывателей.

«Я попал в Троицкий лагерь, – вспоминает Ш. Ганн, – где было около 20 тыс. пленных разных национальностей – словаков, чехов, немцев, венгров, поляков, русинов и других. Мы не были приспособлены к жизни в таком жарком климате, и поэтому среди нас стали распространяться различные болезни – малярия, тиф и другие. Из лагеря мы ходили строить дороги и оросительные каналы. Позднее я и несколько других пленных попали на работу в крепость, расположенную в центре Ташкента. Я был рад этому, так как там условия жизни были лучше... Находясь в крепости и работая по ее укреплению, мы, пленные, почти не были связаны с жителями города» [5, с. 204].

Если на территории Ташкентской крепости, где находился Ганн, было только несколько русских офицеров и «обидчиками» выступали они, то Сенчек попал в лагерь в город Туркестан (расположен на территории современного Казахстана. – Т. К.). «После краткого пребывания в Ташкенте нас повезли на север, в Казалинск на Аральском море, где мы рыли в степи оросительный канал от реки Сыр-Дарья. Я проработал там несколько месяцев, а потом меня отправили в город, где через несколько дней австрийские и венгерские офицеры попросили у русского коменданта послать меня с ними в Туркестан в качестве денщика. ...Странные люди были эти австрийские и венгерские офицеры! Даже в плену каждый самый низший по чину сопляк требовал себе денщика. А так как офицеры не имели в своем подчинении других солдат, они муштровали своих денщиков. Без денщика они все бы пропали» [19, с. 213].

Неприятное отношение австрийских и венгерских офицеров к солдатам-славянам выражалось и в отказе выдать новое обмундирование, которое они могли заказать и получить от австро-венгерского Красного Креста. Сенчек оказался именно в такой ситуации, но сердобольный русский солдат выдал ему новое русское обмундирование.

Австро-венгерские офицеры, встречая солдата Сенчека, отворачивались и громко говорили: «Вот идет изменник родины». По этому поводу они составили протокол и объявили, что по возвращении на Родину передадут его в Военный трибунал [19, с. 214].

Обострял взаимоотношения между военнопленными офицерами и солдатами Австро-Венгерской армии и материальный вопрос. Каждое первое число месяца австро-венгерские офицеры получали по 50 руб. на человека. Питание им стоило примерно 8 руб. в месяц, потому что у них была своя офицерская кухня. Солдаты наличных денег не получали. Австрийским офицерам предоставляли упряжку лошадей для перевозки продовольствия со станции. Они возили его дважды в неделю. За упряжку они даже «спасибо» не говорили возчикам, а об оплате речь не шла вообще. Военнопленные солдаты решили не возить больше провиант австрийским офицерам. Такое демократическое волеизъявление было возможно лишь на волне революционных событий 1917 г. [19, с. 217].

Многие пленные солдаты Австро-Венгерской армии завязывали дружеские отношения с русскими солдатами, которые давали им читать нелегальную революционную литературу. В 1917 г. многие пленные стали активно посещать революционные митинги, а после октябрьских событий вступили в Красную гвардию.

В начале 1917 г. положение австро-венгерских пленных в Туркестане несколько улучшилось, но после февральских событий ситуация стала вновь резко ухудшаться, а к концу 1917 – началу 1918 г. в связи с освобождением пленных стала близка к критической. Ф. Бейли описал, что из себя представляло «освобождение» военнопленных, объявленное советской властью – открытие ворот лагерей и прекращение выдачи питания. Люди неожиданно оказались предоставленными сами себе и во многих случаях условия их жизни оказались еще хуже, чем в лагере [3, с. 42].

Согласно докладу главного врача ташкентского госпиталя для военнопленных Ташкентскому совету рабочих и солдатских депутатов в сентябре 1917 г., среди больных госпиталя, особенно среди больных венерическими заболеваниями, имелись лица, не желающие подчиняться госпитальным порядкам. Это выражалось в нежелании сдавать в цейхгауз свою одежду, в самовольных, без ведома лечащих врачей и администрации госпиталя, отлучках в город, особенно по ночам.

Причина самовольных отлучек, по словам военнопленных, заключалась в необходимости покупать в городе продукты питания и махорку. По мнению администрации госпиталя, это было лишь предлогом, так как ночь не самое подходящее время для похода за хлебом и махоркой.

В госпитале считали, что истинная причина такого поведения пленных – банальная распущенность. Пленные воровали казенное имущество и прода-

вали его на черном рынке. И самое главное, больные, особенно венерическими заболеваниями, с одной стороны, являлись распространителями в городе тяжелых инфекций, с другой – среди больных в госпитале участились случаи сыпного тифа, свирепствовавшего на тот момент в городе [7, Д. 6. Л. 37–38].

Летом 1918 г. товарищ председателя Ташкентского исполкома Всеволод Черневский по поручению президиума Ташисполкома осмотрел места размещения военнопленных в Ташкенте. В своем отчете он отметил, что во главе лагеря, где содержались подданные Австро-Венгерской империи, в качестве коменданта стоял немец-офицер, назначенный датским посольством. Венгры составляли в лагере главный контингент (70%). Славян было ничтожное количество. Условия жизни австро-венгерских пленников Черневский оценил как «скотские». При этом в политическом отношении ничего опасного замечено не было [7, Д. 47. Л. 485–485 об.].

После заключения Брестского мирного договора в 1918 г. в России был создан Комитет иностранных подданных. Военнопленные постепенно начали возвращаться на родину. Летом 1918 г. в Туркестане оставались еще 33 тыс. бывших военнопленных [3, с. 42]. Какая-то их часть еще несколько лет, в качестве иностранных подданных, продолжала проживать и работать в крае.

Судьбы бывших военнопленных в Туркестане сложились по-разному. На улицах среднеазиатских городов можно было видеть военнопленных, прошивших подаяние. Оркестры военнопленных играли в чайханах и ресторанах, весь обслуживающий персонал гостиниц состоял из подданных Габсбургской монархии [3, с. 33]. Австро-венгерская форма, которую носил и сам Бейли, с буквами F.J.I. (Император Франц Иосиф) на фуражках, долго мелькала по городам и весям Туркестана [3, с. 30]. Многие женились на вдовах или брошенных женах и начинали заниматься сельским хозяйством или ремеслом. Их потомки до сих пор проживают в независимых государствах Центральной Азии. Кто-то пытался наладить бизнес, но в условиях большевистского режима это было практически невозможно.

Значительная часть военнопленных заняла места русских солдат в армии. Приблизительно половину Красной армии в Туркестане составляли бывшие австро-венгерские военнопленные, в основном венгры. Многих из них пропаганда сделала энтузиастами строительства коммунистического общества. Но это тема для отдельного исследования.

На наш взгляд, главное последствие пребывания на территории Туркестана военнопленных-европейцев имеет гуманитарный характер. Пленные стали своеобразным ретранслятором для Европы древней цивилизации Средней Азии, а для Средней Азии – научно-технических и культурных достижений Европы. Несомненно, многие из них не только искренне полюбили Туркестан, но и придали новый импульс его развитию, оставшись там после окончания войны.

Библиография

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 160. Оп. 708. Д. 1665; Д. 2939; Д. 2826; Д. 3073; Д. 3020; Д. 3034.
2. Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Межнациональная толерантность в Узбекистане: История и современность. Ташкент: Университет, 2004. 179 с.
3. Бейли Ф.М. Миссия в Ташкент. М.: Языки славянской культуры, 2013. 384 с.
4. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. Автореф. дис. на ... канд. ист. наук. Москва, 1997. 24 с.
5. Ганн Ш. Мы дрались за Ташкент // Былые походы: Воспоминания словацких красноармейцев – участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР. М.: Воениздат, 1961. С. 201–207.
6. Гергилева А.И. «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки». Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны на территории России // Военно-исторический журнал. 2013. № 2. С. 54–60.
7. Государственный архив города Ташкента (ГА ГТ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Д. 47.
8. Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Сб. статей. Омск, 1997. С. 154–180.
9. Журбина Н.Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник ВГУ. Воронеж, 2008. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 230–235.
10. Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. М.: Наука, 1987. 459 с.
11. История Узбекской ССР. Ташкент: Фан, 1968. Т. 2. От присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. Х.З. Зияев. 662 с.
12. Киреева Ю.В. Условия содержания немецких и австро-венгерских военнопленных на территории Туркестанского военного округа (1914–1917 гг.) // Военная история. Саратов: Саратовский военный институт ВВ МВД РФ, 2006. № 5 (23). С. 198–204.
13. Корнеев В.В. Концентрационные лагеря в России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 9. С. 40–43.
14. Матвеев А.М. Зарубежные выходы в Туркестане на путях к Великому октябрю (1914 – октябрь 1917 г.). Ташкент, ФАН, 1977. 115 с.
15. Медведева-Нату О. Войны и люди: Поляки в Средней Азии // Диаспоры. 2006. № 2. С. 96–131.
16. Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. Екатеринбург: УФУ им. Б.Н. Ельцина, 2014. № 1. С. 142–156.
17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 4535.
18. Россия в мировой войне в цифрах 1914–1918 гг. М.: ЦСУ СССР, 1925. 104 с.
19. Сенчек Г. От Кракова до Туркестана // Былые походы: Воспоминания словацких красноармейцев – участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР. М.: Воениздат, 1961. С. 208–235.
20. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. Т. 1. Стб. 517.
21. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И–737. Оп. 1. Д. 90.
22. Чиркин С.В. Двадцать лет службы на востоке: Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. 268 с.

23. Шлейхер И.И. Пленные стран Четверного союза в Сибири: Некоторые вопросы транспортировки и содержания в лагерях // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов: Научная книга, 2005. Вып. 6. С. 78–90.

24. Этнический атлас Узбекистана. Ташкент: ИООФС – Узбекистан; ЛИА «Р. Эллинина», 2002. 392 с.

25. Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Geschichtswissenschaftlichen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen. Tübingen, 2000. 589 S.

References

Arhiv vneshej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI). F. 160. Op. 708. D. 1665; D. 2939; D. 2826; D. 3073; D. 3020; D. 3034.

Ata-Mirzaev O., Gentshke V., Murtazaeva R. Mezhnacional'naja tolerantnost' v Uzbekistane: Istoriya i sovremennost'. Tashkent: Universitet, 2004. 179 p.

Bejli F.M. Missija v Tashkent. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013. 384 p.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Uzbekistan (CGA RUz). F. 1–737. Op. 1. D. 90.

Chirkin S.V. Dvadcat' let sluzhby na vostoke: Zapiski carskogo diplomata. Moscow: Russkij put', 2006. 268 p.

Gann Sh. My dralis' za Tashkent // Bylye pohody: Vospominanija slovacchik krasnoarmejev – uchastnikov Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii i grazhdanskoj vojny v SSSR. Moscow: Voenizdat, 1961. P. 201–207.

Gergileva A.I. «Mnogie milliony ljudej byli vyrваны vojnoj iz privyčnoj dlja nih obstanovki». Chechoslovackij korpus i voennoplennye Pervoj mirovoj vojny na territorii Rossii // Voennno-istoricheskij zhurnal. 2013. N 2. P. 54–60.

Gosudarstvennyj arhiv goroda Tashkenta (GA GT). F. 10. Op. 1. D. 6. D. 47.

Grekov N.V. Germanskije i avstrijskie plennye v Sibiri (1914–1917) // Nemcy. Rossija. Sibir'. Sb. statej. Omsk, 1997. P. 154–180.

Internacionalisty: Uchastie trudjashhhsja stran Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy v bor'be za vlast' Sovetov v Rossii. M.: Nauka, 1987. 459 p.

Istoriya Uzbekskoj SSR. Tashkent: Fan, 1968. T. 2. Ot prisoeдинenija uzbekskih hanstv k Rossii do Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii / Otv. red. H.Z. Zijaev. 662 p.

Jetnicheskij atlas Uzbekistana. Tashkent: IOOFS – Uzbekistan; LIA «R. Jelinina», 2002. 392 p.

Kireeva Ju.V. Uslovija sodержanija nemeckih i avstro-vengerskih voennoplennyh na territorii Turkestanskogo voennogo okruga (1914–1917 gg.) // Voennaja istorija. Saratov: Saratovskij voennyj institut VV MVD RF, 2006. N 5 (23). P. 198–204.

Korneev V.V. Koncentracionnye lagerja v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny // Voennno-istoricheskij zhurnal. 2015. N 9. P. 40–43.

Matveev A.M. Zarubezhnye vyhodcy v Turkestane na putjah k Velikomu oktjabrju (1914 – oktjabr' 1917 g.). Tashkent, FAN, 1977. 115 p.

Medvedeva-Natu O. Vojny i ljudi: poljaki v Srednej Azii // Diaspory. 2006. N 2. P. 96–131.

Nahtigal' R. Voennoplennye v Rossii v jepohu Pervoj mirovoj vojny // Quaestio Rossica. Ekaterinburg: UFU im. B.N. El'cina, 2014. N 1. P. 142–156.

Rossija v mirovoj vojne v cifrah 1914–1918 gg. Moscow: CSU SSSR, 1925. 104 p.

Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). F. 400. Op. 1. D. 4535.

Senchek G. Ot Krakova do Turkestana // Bylye pohody: Vospominanija slovacchik krasnoarmejev – uchastnikov Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii i grazhdanskoj vojny v SSSR. Moscow: Voenizdat, 1961. P. 208–235.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Shlejher I.I. Plennye stran Chetvernogo sojuza v Sibiri: Nekotorye voprosy transportirovki i sodержaniya v lagerjah // Voenno-istoricheskie issledovaniya v Povolzh'e: Sb. nauch. trudov. Saratov: Nauchnaja kniga, 2005. Vyp. 6. P. 78–90.

Sibirskaja sovetskaja jenciklopedija. Novosibirsk: Sibkrajizdat, 1929. T. 1. Column 517.

Vasil'eva S.N. Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody pervoj mirovoj vojny. Avtoref. dis. na ... kand. ist. nauk. Moskva, 1997. 24 p.

Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Geschichtswissenschaftlichen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen. Tübingen, 2000. 589 S.

Zhurbina N.E. Voennoplennye Germanii na territorii Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1918 gg.) // Vestnik VGU. Voronezh, 2008. Serija: lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. N 2. P. 230–235.